

- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 90 с.
- Деоник Д.В.** Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант “звериного стиля” // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М.: Наука, 1979. – С. 62–67.
- Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г.** Об изображении лошади на Бейской стеле из Хакасии // Изобразительные памятники. Стил, эпоха, композиции: Материалы темат. науч. конф., 1–4 декабря 2004 года. – СПб.: Ист. фак. СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 296–300.
- Козельцов В.Л., Ромаков Ю.А.** Новый способ сохранения человеческих мумий // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 103–106.
- Ковалев А.А.** О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской культуры Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 75–82.
- Кызласов Л.Р. Панкова С.В.** Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // СГЭ. – 2004. – Вып. 62. – С. 61–67.
- Марсадолов Л.С.** Еще раз о последовательности сооружений Пазырыкских и Бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Т. 2. – С. 93–103.
- Молодин В.И.** Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 86–119.
- По Брэму А.Э.** Жизнь животных. – М.: Учпедгиз, 1937. – Т. 4: Птицы. – 616 с.
- Полосьмак Н.В.** Татуировка у пазырыкцев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 95–102.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 63 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1953. – 401 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 351 с.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 204 с.
- Скарпари М.** Древний Китай. Китайская цивилизация от неолита до эпохи Тан. – М.: Аст; Астрель, 2003. – 292 с.
- Слюсаренко И.Ю.** Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.
- Чугунов К.В.** Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практич. конф. – Барнаул, 1993. – Ч. 1. – С. 167–169.
- Bunker E.** The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source. Notes in the history of art. – N.Y.: Arts Brevis Foundation, 1991. – Vol. 10, N 4. – P. 20–24.
- Bunker E., Kawami T.S., Linduff K.M., Wu En.** Ancient bronzes of the Eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collections. – N.Y.: The Arthur M. Sackler foundation, 1997. – 401 p.
- Hartman-Goldsmith J.** Art of the Han at China House Gallery // Oriental art. – 1979, Autumn. – Vol. 25, N 3. – P 377–380.
- James J.M.** A provisional iconology of Western Han funerary art // Oriental art. – 1979, Autumn. – Vol. 25, N 3. – P. 347–357.
- Mongolie.** Le premier empire des steppes. – Monaco: Actes Sud / Mission archéologique Française en Mongolie, 2003. – 234 p.

Материал поступил в редколлегию 3.03.05 г.

УДК 903

Н.И. Быков¹, В.А. Быкова¹, И.Ю. Слюсаренко²¹*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656099, Россия**E-mail: bva@geo.dcn-asu.ru*²*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: slus@archaeology.nsc.ru*

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ У ПАЗЫРЫКЦЕВ*

Введение

Археологические материалы позволяют судить о хозяйственной деятельности, жилищах и погребальных конструкциях, типе питания и прочих сторонах жизни древних обществ, проживавших на конкретных территориях, а стало быть, и о видах и масштабах природопользования. Интересной представляется возможность оценить, например, масштабы лесопользования на Алтае в период существования пазырыкской культуры (VI–II вв. до н.э.) (рис. 1). Пазырыкцы активно осваивали как горно-степные, так и горно-лесные ландшафты. Леса использовались для охоты и служили источником древесного сырья. Материалы многочисленных археологических памятников свидетельствуют о многообразном применении древесины. Она была основным сырьем для погребальных сооружений (срубов, колод, кроватей) (рис. 2–4), использовалась при строительстве жилых и хозяйственно-бытовых построек, для изготовления предметов вооружения, посуды, хозяйственно-бытовых принадлежностей, средств передвижения, украшений, предметов культа, музыкальных инструментов и т.д. [Мыльни-

ков, 1999]. Кроме того, древесина – один из видов топлива, необходимого для приготовления пищи, отопления, металлургического и гончарного производства.

Сколько древесины использовалось для тех или иных целей, иногда можно оценить косвенно. Для этого, например, необходимо знать продуктивность “кормящего” ландшафта, тип питания, хозяйства и жилья, а также климатические условия. Однако следует иметь в виду, что расчеты будут приблизительными. Потенциал “кормящего” ландшафта часто используется не полностью и в различной степени в разные годы. Поэтому рассчитанная численность проживавшего на конкретной территории населения может оказаться завышенной. Количество зафиксированных курганов по целому ряду причин также не отражает полностью численность населения.

Более достоверно можно судить о тех объемах потребляемой пазырыкцами древесины, которая использовалась в погребальном обряде. Среди деревянных предметов из курганов пазырыкской культуры по их функциональному назначению выделяются следующие категории: надсрубные сооружения (навесы, накаты, настилы), срубы, внутрисрубные конструкции (колоды-саркофаги, ложа-кровати, деревянные подушки, колыбели, столы), сопроводительный инвентарь (оружие, посуда, предметы хозяйственно-бытового назначения, средства передвижения, инструменты, украшения, музыкальные инструменты) [Там же, с. 19–20]. Основной объем

* Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ (проект № 03-06-80331), РГНФ (проект № 04-01-00470а), Национального научного фонда США (грант BCS № 0207654) и гранта Президента РФ для поддержки ведущих научных школ (НШ-2286.2003.6).

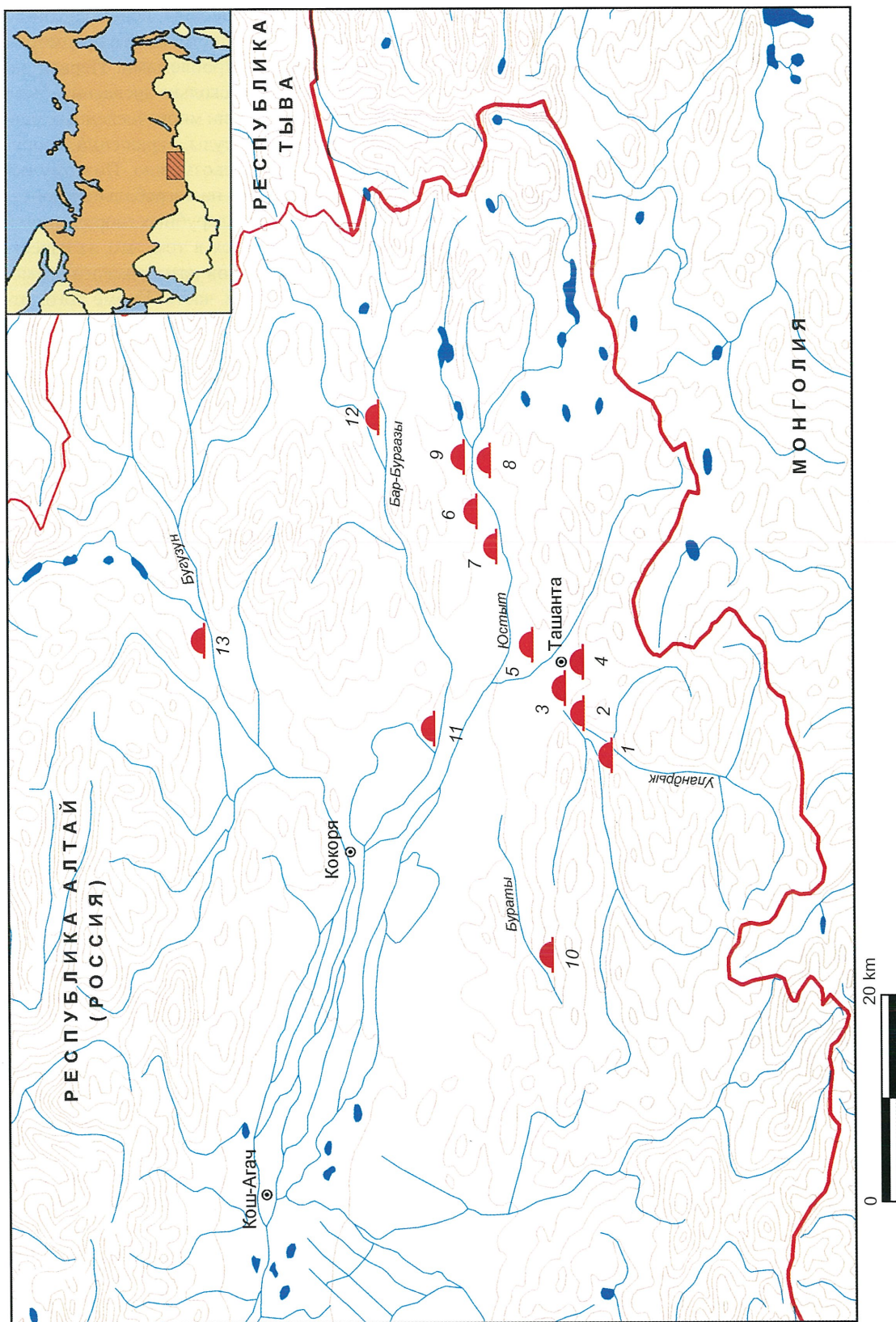

Рис. 1. Расположение исследованных курганных могильников пазырыкской культуры в районе Чуйской котловины.
 1 – Уландрык I; 2 – Уландрык II; 3 – Уландрык III–V; 4 – Ташанта I; 5 – Ташанта II; 6 – Ташанта III; 7 – Юстыд XII, XIII;
 8 – Юстыд XXII; 9 – Дзюлин I, II; 10 – Бураты; 11 – Барбургазы I; 12 – Барбургазы II; 13 – Матталу IV.

Рис. 2. Сруб, реконструированный на поверхности. Могильник Уландрык I, кург. 1. Фото И.Ю. Слюсаренко.

Рис. 3. Детский сруб, собранный на поверхности. Могильник Уландрык I, кург. 4. Фото И.Ю. Слюсаренко.

Рис. 4. Детская колода в погребальной яме. Могильник Уландрык I, кург. 6. Фото И.Ю. Слюсаренко.

древесины при этом приходится на сруб и надсрубные сооружения. Материалом для их изготовления служила лиственница и реже ель [Феномен алтайских мумий, 2000, с. 260].

Методы исследования

Решая задачу об объеме древесины, использованной для создания погребальных конструкций и предметов, мы сталкиваемся с двумя проблемами. Первая заключается в том, что учесть, сколько древесины было использовано при изготовлении многочисленных мелких предметов, например посуды, украшений, вооружения и т.д., практически невозможно. Поэтому остановим свое внимание лишь на погребальных конструкциях (срубах, колодах и надсрубных сооружениях). Вторая проблема заключается в том, что из известных многочисленных курганов пазырыкского времени раскопана лишь малая их часть. Кроме того, отсутствие до сих пор археологической карты Горного Алтая не позволяет оценить в целом количество существующих памятников этой эпохи. Поэтому о масштабах использования пазырыками древесины для погребальных сооружений можно судить, только применяя индикационные методы. Такой подход позволяет многократно снизить затраты труда при проведении исследований и избежать разрушения археологического памятника. Кроме того, он необходим в связи с тем, что по многим описаниям исследованных археологических памятников невозможно оценить объем древесины, использованной в погребальном сооружении, т.к. в них не зафиксированы необходимые для этого данные.

Наиболее удобным индикатором многих параметров погребального памятника является диаметр кургана. Его высота – менее точный индикатор, поскольку она может измениться в силу различных причин: 1) просадки грунта из-за его протаивания или разрушения сруба; 2) расположения каменной насыпи с течением времени; 3) нарушения насыпи при разграблении кургана. Археологи давно используют такой показатель, как диаметр насыпи, для оценки социального статуса погребенных. Размерам памятников отвечают параметры погребальных конструкций, количество и состав сопроводительного инвентаря и т.д. Однако количественных оценок с использованием данного индикатора, насколько нам известно, до сих пор не проводилось.

По материалам исследованных В.Д. Кубаревым курганов пазырыкской культуры [Кубарев, 1987, 1991] мы выяснили, что диаметр кургана очень тесно связан с другими параметрами. Так, например, коэффициент корреляции данного показателя и длины могильной ямы составил 0,92. Однако следует заметить, что такая связь наблюдается лишь для курганов диаметром до 15 м. При включении в выборку объектов большого диаметра коэффициент корреляции уменьшается ($k = 0,85$). Тесная связь диаметра курганов отмечается также с длиной и шириной сруба (k соответственно 0,89 и 0,83). Меньше корреляция

с высотой сруба ($k = 0,57$). Отсутствует значимая связь диаметра кургана с количеством венцов в срубе ($k = 0,3$).

Объем древесины погребального сооружения также хорошо коррелирует с диаметром кургана ($k = 0,82$), что дает возможность на основе уравнения регрессии оценивать его в неисследованных курганах (рис. 5). За значение объема древесины принималась величина, равная сумме объемов древесины стенок сруба и его перекрытия, а для кург. 1 могильника Ташанта I еще и навеса. Поскольку элементы этих деревянных конструкций представляют собой полубревна или плахи, у которых, как правило, имеется обзол, то учитывался и объем отсеченных частей. Доски пола не принимались в расчет, т.к. в большинстве случаев они плохо сохранились и, кроме того, в данном случае очень трудно учесть отсеченные части. Для оценки связи между диаметром кургана и объемом древесины погребальной конструкции были использованы данные по 37 объектам (табл. 1).

Дополнительные исследования могильника Уландрык I, проведенные нами в 1999–2001 гг. (рис. 6), позволили уточнить размеры элементов срубов и перекрытий, соответственно, были внесены изменения в уравнение регрессии. Несовпадение данных В.Д. Кубарева и наших связано с тем, что во многих случаях исследователь приводил внутренние размеры срубов либо внешние, но без учета остатков венцов. Для наших расчетов необходимо учитывать полные размеры венцов. Естественно, объемы древесины, полученные с использованием данных В.Д. Кубарева и результатов замеров, выполненных нами, различаются (рис. 7). Связь между объемом древесины сруба и диаметром кургана при этом несколько улучшается (коэффициент корреляции соответственно составляет 0,84 и 0,88). Даже встречающиеся вместо срубов колоды не нарушают установленную зависимость. Ее можно представить как $V = 0,1913 + 0,1191D$, где V – объем древесины; D – диаметр кургана. Данное уравнение наиболее подходит для расчета объема древесины в курганах диаметром до 15 м. Коэффициент детерминации в этом случае составляет 0,77. Для курганов большего диаметра лучше использовать зависимость другого вида: $V = 0,328e^{0,1351D}$ (в нашей выборке таких курганов оказалось лишь три).

Результаты и их обсуждение

Используя данные уравнения, нам удалось установить, что суммарный запас древесины в погребениях могильников Уландрык I–V, Ташанта I–III, Юстыд I, XII, XIII, XXII, Джолин I, II составлял

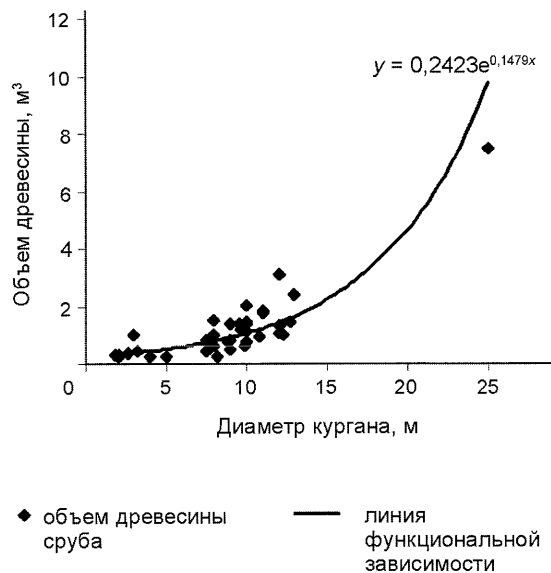

Рис. 5. Зависимость объема древесины в кургане от его диаметра.

156,9 м³. При этом по долине Юстыда учтена лишь пятая часть находящихся там курганов. К сожалению, в опубликованных работах отсутствует необходимая информация по остальным памятникам. Однако если предположить, что они в большинстве имеют средние размеры, так же как и курганы вышеперечисленных могильников, то следует ожидать наличие в них еще ок. 300 м³ древесины. Не полностью учтены и памятники долины р. Уландрыка. Поэтому можно предполагать, что в курганах долин Уландрыка и Юстыда и разделяющей их части Чуйской котловины содержалось ок. 500 м³ древесины.

Вместе с тем вычисленный объем древесины не позволяет напрямую оценить степень влияния погребальной практики пазырыкцев на древостой, т.к. мы не знаем, какая часть срубленного дерева при изготовлении каждого элемента сооружения шла в отходы. Частично решить данную проблему можно с помощью морфологического и дендрохронологического анализа элементов конкретной погребальной конструкции. Рассмотрим это на примере кург. 2 могильника Уландрык I [Быков, Слюсаренко, Быкова, 2000]. Погребальное сооружение в нем представляет собой двухвенцовый сруб (рис. 8) с перекрытием из двух плах и жерди. Все элементы – плахи и полубревна – имеют последнее годовое кольцо или близкое к нему. Данные дендрохронологического анализа представлены в табл. 2.

Наличие синхронности между некоторыми дендротипами позволяет сгруппировать их в дендротипы (см. табл. 2). Коэффициент корреляции между рядами одного дендротипа при этом достигает 0,93–0,97.

Таблица 1. Размеры курганов, погребальных конструкций и соответствующие им объемы древесины

Номер кургана	Диаметр кургана, м	Длина сруба, м	Ширина сруба, м	Количество венцов	Объем древесины, м ³	Уточненный объем древесины, м ³
<i>Уландрык I</i>						
1	3,2	1,4	0,75	2	0,431	0,914
2	2	1,1	0,6	2	0,336	0,62
3	9	2,3	1,5	3	1,42	1,77
4	1,8	1,2	0,5	2	0,295	0,34
6	2	1,2	0,6	—	0,339	0,34
8	9	1,7	1,45	2	0,523	1,08
9	12,7	2,1	1,9	3	1,45	1,78
11	10,75	2,2	1,6	2	0,981	1,551
12	12,3	2,3	2,2	3	1,01	1,8
13	5	1,0	0,6	2	0,242	0,293
14	12	2,2	1,45	3	1,07	1,402
15	9	1,7	1,3	2	0,83	0,976
<i>Уландрык II</i>						
1	8	1,65	1,3	2	1,0	
2	7,5	1,6	1,3	2	0,448	
3	9,5	2,1	1,7	2	1,377	
4	2	1,1	0,6	2	0,277	
5	8	1,95	1,25	2	1,537	
7	9,65	2	1,3	2	1,231	
8	2,6	1,25	0,6	—	0,353	
9	8,9	2	1,2	2	0,75	
11	9,85	1,8	1,3	2	0,633	
12	8,2	1,6	0,8	2	0,283	
<i>Уландрык III</i>						
1	10	—	—	4	2,011	
3	10	2	1,6	3	1,386	
4	10	2,05	1,45	3	1,122	
6	8	2,3	1,2	2	0,627	
7	10	2,1	1,5	2	0,733	
<i>Уландрык IV</i>						
1	13	2,6	2	4	2,436	
2	12	2,2	1,7	?	1,304	
3	11	1,8	1,1	4	1,776	
<i>Уландрык V</i>						
2	7,5	1,34	1,2	2	0,841	
<i>Ташанта I</i>						
1	25	3,46	2,2	3	7,508	
2	4	1,47	0,4	—	0,243	
<i>Ташанта II</i>						
1	3	1,5	1,06	2	1,04	
2	12	3	2,6	3	3,133	
3	11	2,4	1,8	2	1,838	
4	10	2	1,4	?	1,454	

Столь тесная связь позволяет предположить, что элементы сруба, на основе которых построены дендротипы, объединенные в один дендротип, изготовлены из одного бревна. Это также подтверждают результаты морфометрического анализа: каждый последую-

щий (снизу вверх) элемент сруба из одной группы по ширине меньше предыдущего, а по возрасту младше (рис. 9).

Таким образом, для погребальной конструкции кург. 2 могильника Уландрык I было использовано

Рис. 6. Вид на могильник Уландрык I с юго-запада.
Фото И.Ю. Слюсаренко.

четыре дерева. Суммарная длина всех элементов первого дендротипа составляет 6,73 м, второго – 5,1, третьего – 2,36 м. Жердь ко времени повторных раскопок сохранилась только с западной стороны в виде небольшого обломка. Однако она должна была иметь длину не менее 1,5 м. Если исходить из положения и размеров досок перекрытия, то диаметр восточного конца жерди составлял 6 см.

Высоту использованных для строительства деревьев можно определить как

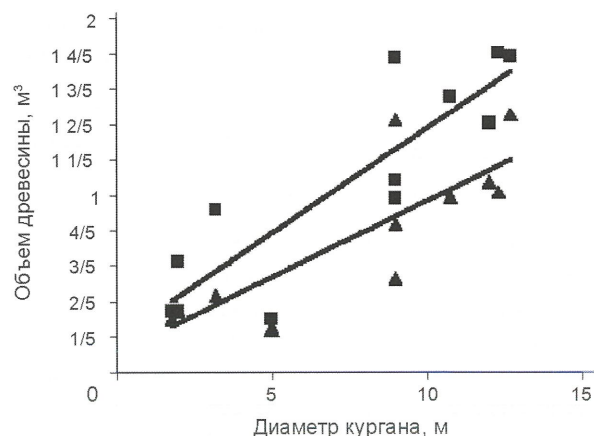
$$h = d_{\max} \sqrt{l^2 - 1/4(d_{\max} - d_{\min})^2} / (d_{\max} - d_{\min}),$$

где h – высота дерева; $d_{\max}$ – максимальный диаметр нижнего элемента; $d_{\min}$ – минимальный диаметр верхнего элемента.

Таким образом, жердь была вырублена из дерева высотой не менее 6 м, объем стволовой древесины которого составлял 0,01 м³.

Для вычисления высоты других использованных деревьев необходимо выполнить еще одну операцию. Дело в том, что торцовые части элементов сруба были затесаны практически под прямым углом. Если учитывать, что стволы перерубаются обычно под углом 45° [Мыльников, 1999], то можно вычислить длину отсутствующей части между соседними элементами. Практически оказывается, что она равна радиусу ствола. Исходя из этого, к сумме длин элементов, полученных из первого дерева, необходимо прибавить еще 0,5 м. Решая последовательно эти задачи, получим, что высота первого дерева была не менее 21,7 м, второго – 24,1, третьего – 18,5 м. Объемы древесины соответственно составили 0,511 м³, 0,426 и 0,265 м³.

Таким образом, для сооружения сруба кург. 2 были использованы четыре дерева с общим объемом древесины 1,212 м³, что превосходит величины, полученные с использованием данных В.Д. Кубарева и уточ-

▲ объем древесины сруба ■ уточненный объем древесины
— линия функциональной зависимости

Рис. 7. Зависимости объема древесины от диаметра кургана, полученные с использованием литературных данных и уточненных в ходе полевых исследований.

Рис. 8. Угловое соединение сруба. Могильник Уландрык I, кург. 2. Фото И.Ю. Слюсаренко.

Таблица 2. Данные дендрохронологического анализа элементов сруба кург. 2 могильника Уландрык I

Элементы сруба	Относительная хронология, годы	Возраст элемента, лет	Диаметр поперечного сечения элементов, см (max-min)	Номер дендротипа
<i>1-й венец сруба</i>				
Южная сторона	1–203	203	26–23	II
Северная »	9–202	194	24–22	II
Восточная »	35–204	170	24,5–24	I
Западная »	74–213	139	23,5–22	III
<i>2-й венец сруба</i>				
Южная сторона	43–204	162	22,5–20	I
Северная »	31–202	172	21–20,5	II
Восточная »	43–206	164	24–23,5	I
Западная »	71–214	143	22–20,5	III
<i>Перекрытие</i>				
Южная доска	26–207	182	30–27	I
Северная »	30–205	176	0,26–25,5	I
Жердь	159–215	57	?–8	IV

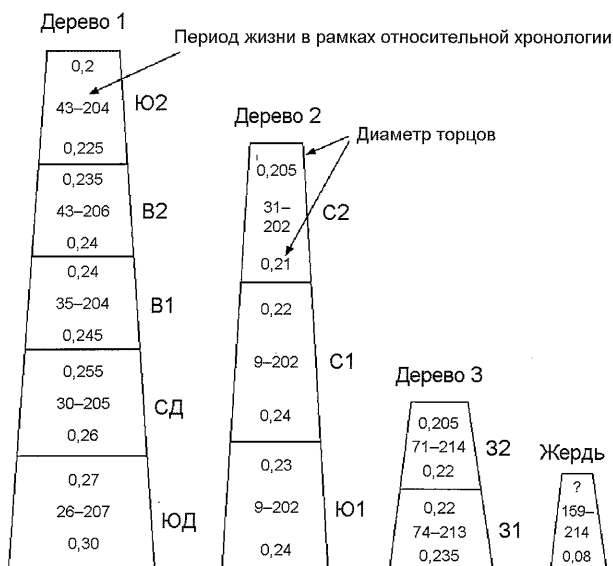

Рис. 9. Дендрохронологическая и морфологическая группировка элементов сруба кург. 2 могильника Уландрык I.

ЮД – южная доска перекрытия; СД – северная доска перекрытия; В1 – восточное бревно первого венца; В2 – восточное бревно второго венца; Ю1 – южное бревно первого венца; Ю2 – южное бревно второго венца; С1 – северное бревно первого венца; С2 – северное бревно второго венца; 31 – западное бревно первого венца; 32 – западное бревно второго венца.

ненных, соответственно в 3,6 и в 1,95 раза. Если предположить, что в других курганах соотношение объемов древесины погребальной конструкции и использованных для ее сооружения деревьев такое же, как и в кург. 2, то общий объем заготовленной дре-

весины для всех учтенных нами курганов пазырыкского времени в долинах Уландрыка и Юстыда составит ок. 1000 м³. Временной интервал, за который были произведены эти порубки, можно также приблизительно оценить при помощи данных дендрохронологического анализа. Как показывают результаты относительного датирования образцов древесины из ряда курганов Чуйской степи (могильники Уландрык I и IV, Ташанта I, Юстыд I и др.), эти курганы были сооружены примерно за 50 лет [Слюсаренко, 1997, с. 279]. Период функционирования пазырыкского могильника Уландрык I, определенный при помощи древесно-кольцевой хронологии, также составляет не более 50 лет, причем те курганы, для которых даты достаточно надежны (№ 1–4, 6, 11–13), были сооружены в течение 10 лет [Быков и др., 2004, с. 261]. Все это говорит о том, что интересующие нас порубки леса сделаны за очень ограниченный период.

В настоящее время средний запас древесины в лиственничниках Кош-Агачского лесхоза, в пределах которого находится исследуемая территория, достигает 141,5 м³/га [Парамонов, 1998]. Следовательно, для сооружения погребальных конструкций в курганах Уландрыка и Юстыда пазырыкцам пришлось заготовить объем древесины, равный общему запасу на 7 га лиственничников, что составляет 1/10 000 часть современного запаса древесины лиственницы в Кош-Агачском лесхозе. На первый взгляд, это незначительная величина. Однако следует помнить, что нами учтены далеко не все курганы в пределах Кош-Агачского лесхоза, к тому же потребности в лесоматериалах не ограничивались погребальной практи-

кой, на другие нужды их требовалось гораздо больше. Кроме того, вырубки, по всей вероятности, приводили к сокращению лесопокрытой площади, т.к. пастбищное животноводство – основа хозяйства пазырыкского населения – отрицательно сказывается на лесовосстановлении. Поэтому очевидно, что лесозаготовительная деятельность пазырыкцев была существенным фактором трансформации растительного покрова и, соответственно, их влияния на окружающую среду. К сожалению, исчерпывающую оценку масштабов лесозаготовок даже только для нужд погребального обряда пазырыкцев на сегодня дать невозможно вследствие того, что не проведена полная каталогизация археологических памятников на исследуемой территории.

Список литературы

Быков Н.И., Быкова В.А., Панюшкина И.П., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическая и геодезическо-астрономическая оценка последовательности сооружения курганов в могильниках пазырыкской культуры Алтая // Комплексные

исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 258–264.

Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Быкова В.А. Дендрохронология кургана 2 могильника Уландрык-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сб. науч. ст. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – Вып. 11. – С. 182–184.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Парамонов Е.Г. Леса Республики Алтай. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1998. – 217 с.

Слюсаренко И.Ю. Начало дендрохронологических исследований в Институте археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 276–280.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Материал поступил в редколлегию 25.01.05 г.

УДК 904

З.В. Доде

Институт востоковедения РАН
ул. Рождественка, 12, Москва, 103031, Россия
E-mail: zvezdana_dode@yahoo.com

“ШЕЛКОВЫЙ РАЙ” НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Иранская лицевая ткань XVI века
из коллекции Б.А. Куфтина*

Рис. 1. Реконструкция кафтанчика из бирюзового шелка из коллекции Б.А. Куфтина.

В 1925–1926 гг. известный российский археолог и этнограф Б.А. Куфтин исследовал позднесредневековые склеповые могильники в Северной Осетии и собрал уникальную коллекцию женской одежды. Одним

из ярких предметов этой коллекции является кафтанчик из бирюзового шелка*. Однако он выпал из поля зрения Е.Н. Студенецкой, очевидно потому, что хронологически относится к более раннему периоду, чем материалы ее исследований**. Т.Д. Равдоникас лишь косвенно упомянула этот образец среди других, указав, что в коллекции встречаются кафтаны из полушелковой узорчатой ткани, в т.ч. с изображениями людей и растений [1990, с. 115, 117]. В.Х. Тменов отметил кафтанчик как дополнение к коллекции одежды, собранной в городе мертвых Даргавсе [1979, с. 124].

Кафтанчик выполнен в типичной иранской манере, о чем свидетельствуют прямой крой и детали: прямые подкройные боковины с разрезами в нижней части, короткий рукав с фигурным вырезом по низу. Горловина округлой формы. К правой полочке у горловины пришита бронзовая пуговка-бубенчик. Длина кафтанчика 85 см, ширина в плечах 44 см, длина рукава 34 см. Швы выполнены вразутюжку. Очевидно, кафтанчик был посажен на подкладку. Изображение подобной одежды часто встречается на миниатюрах иранского круга и “лицевых” иранских тканях. Из “лицевого” бирюзового шелка изготовлен и сам кафтанчик (рис. 1).

“Лицевыми” в русских источниках XVI–XVIII вв. называются иранские шелка (парча, бархат или атлас) с изображениями людей, животных и растений. Эти ткани составляют особую группу иранского текстиля.

* Российский этнографический музей, инв. № 33483.

** Е.Н. Студенецкая и Т.Д. Равдоникас обратили внимание на отдельные предметы из этой коллекции в контексте изучения северокавказской одежды XV – первой половины XIX в. – См.: [Студенецкая, 1989; Равдоникас, 1990].